

УДК 101.8:81'1

ИДЕЯ ЯЗЫКОВЫХ ИГР ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА В СВЕТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОДХОДА

Б.А. Есенкулов

С позиций рефлексивного подхода рассматриваются условия и факторы переосмысления Витгенштейном своих ранних представлений, переход к философии позднего периода. Данная проблема еще не была предметом специального рассмотрения в научной литературе.

Ключевые слова: язык как образ реальности; идеальный язык; “традиционное” понимание значения; рефлексивный подход; “приватный” язык; языковые игры; значение слова как его употребление.

ЛЮДВИГ ВИТГЕНШТЕЙНДИН ТИЛ ОЮНДАРЫ ИДЕЯСЫ РЕФЛЕКСТИК МАМИЛЕ ЖААТЫНДА

Бул макалада рефлекстик мамиле позициясынан Витгенштейндин баштапкы түшүнүктөрүн кайра карап чыгуунун, кийинки мезгилдеги философиялык көз караштарына өтүү шарттары жана факторлору каралат. Бул маселе буга чейин илимий адабиятта атайын изилдөөнүн предмети болгон эмес.

Түйүндүү сөздөр: тил реалдуулуктун образы катары; идеалдуу тил; “салттуулук” түшүнүгү; мааниси; рефлекстик мамиле; “жеке” тил; тил оюндары; сөздүн мааниси аны пайдалануу.

LUDWIG WITGENSTEIN'S IDEA OF LANGUAGE GAMES IN LIGHT OF THE REFLECTIVE APPROACH

B.A. Esenkulov

From the positions of the reflective approach conditions and factors of Wittgenstein's rethinking of his earlier ideas, the transition to the philosophy of the late period are considered. This problem has not been the subject of special consideration in the scientific literature yet.

Keywords: language as an image of reality; ideal language; “traditional” understanding of meaning; reflective approach; “private” language; language games; the meaning of a word as its usage.

Термин “языковые игры” ввел в философию один из значимых мыслителей XX в. австро-британский философ Людвиг Витгенштейн (1889–1951). Данный термин, появившийся во второй период деятельности философа, выразил принципиальные изменения, которые произошли в содержании его творчества.

Чтобы понять происхождение идей “позднего Витгенштейна” необходимо обозначить фундаментальные положения учения “раннего Витгенштейна” и те основания, которые их задавали. Идеи первого периода нашли свое отражение в работе “Логико-философский трактат”, опубликованной

в 1921 г. на немецком, а в 1922 г. на английском языке с предисловием Бертрана Рассела.

В предисловии к своей работе Витгенштейн упоминает мыслителей, которые оказали влияние на его учение. “Я не намерен выяснять, – подчеркивает он, – насколько мои устремления совпадают с устремлениями других философов. Ведь то, что я написал здесь, не притязает на новизну отдельно взятых положений, и я не ссылаюсь ни на какие источники, потому что мне не важно, думал ли до меня кто-нибудь другой то, что думал я. Упомяну только, что великолепным трудам Фреге и работам моего друга г-на Бертрана Рассела я обязан тем,

что они в значительной мере стимулировали мою мысль” [1, с. 2].

Коренная реконструкция философии, которая характерна для аналитического стиля философствования, во многом – заслуга Витгенштейна. Применяя результаты исследования принципов символизма и отношений, которые с необходимостью имеют место между словами и вещами в любом языке, к различным разделам традиционной философии, Витгенштейн показывает, что последняя возникает из неправильного употребления языка и понимания принципов символизма. “Цель философии, – утверждает австро-британский философ, – логическое прояснение мыслей. Философия не учение, а деятельность. Философская работа, по существу, состоит из разъяснений. Результат философии – не “философские предложения”, а достигнутая ясность предложений. Мысли, обычно как бы туманные и расплывчатые, философия призвана делать ясными и отчетливыми” [1, с. 24].

Весь смысл основного произведения “раннего” Витгенштейна обозначен им в предисловии к работе. “То, что вообще может быть сказано, – пишет он, – может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать” [1, с. 2].

Опубликовав свой труд, который стал знаменитым, Витгенштейн пришел к выводу, что все проблемы философии им решены. Имеется в виду, что он пытался показать, какие явления доступны философскому анализу. “Истинность высказанных здесь мыслей, – отмечал Витгенштейн, – представляется мне неоспоримой и завершенной. Таким образом, я считаю, что поставленные проблемы в своих существенных чертах решены окончательно” [1, с. 4].

В начале 1930-х годов в воззрениях Витгенштейна произошли существенные изменения. Эти изменения затронули основные идеи “Логико-философского трактата”. В первую очередь это коснулось теории языка как образа реальности. В ранний период своего творчества Витгенштейн верил, что язык дает нам картину мира. Поэтому вовсе не случайна его попытка построить идеальный язык. Но со временем он приходит к убеждению, что язык не может дать нам картину того, как он это делает. Это все равно, что пытаться увидеть самого себя видящего что-либо.

В “Философских исследованиях” – главном произведении позднейшего этапа эволюции своих идей – Витгенштейн отказывается от мысли, что язык – это своего рода картина. Такое понимание есть, по его мнению, вводящая в заблуждение метафора. Не случайно, что “Философские исследования” открываются ссылкой из “Исповеди” Августина, в которой христианский теолог вспоминает сам

процесс обучения. “Наблюдая, как взрослые, называя какой-нибудь предмет, поворачивались в его сторону, я постигал, что предмет обозначается произносимыми ими звуками, поскольку они указывали на него. А вывод этот я делал из жестов, этого естественного языка всех народов, языка, который мимикой, движениями глаз, членов тела, звучанием голоса выражает состояние души – когда чего-то просят, получают, отвергают, чуждаются. Так постепенно я стал понимать, какие вещи обозначаются теми словами, которые я слышал вновь и вновь произносимыми в определенных местах различных предложений. И когда мои уста привыкли к этим знакам, я научился выражать ими свои желания” [2, с. 515–516].

Приведенное выше высказывание аналогично процессу остенсивного (указательного) обучения языку. Витгенштейн критически осмысливает утверждение Августина. “В этих словах заключена, мне кажется, – подмечает он, – особая картина действия человеческого языка. Она такова: слова языка именуют предметы – предложения суть связь таких наименований. В этой картине языка мы усматриваем корни такого представления: каждое слово имеет какое-то значение. Это значение соотносено с данным словом. Оно – соответствующий данному слову объект. Августин не говорит о различии типов слов. Тот, кто описывает обучение языку таким образом, думает прежде всего, по-видимому, о таких существительных, как стол, стул, хлеб, и именах лиц, затем о наименованиях определенных действий и свойств, прочие же типы слов считая чем-то таким, что не требует особой заботы” [2, с. 80].

В связи с эволюцией взглядов Витгенштейна можно попытаться обозначить контуры его перехода к поздней философии. В этой связи необходим тип мышления, благодаря которому удается выделять абстрактные объекты и оперировать ими, при этом конструктивно разрешая противоречия, а не отчуждая их. Рефлексия выступает моментом данного типа мышления. “Специфика рефлексии как формы теоретического познания заключена в ее направленности не на внешний мир, а на сам способ его познания. Поэтому о том, что рефлексия имеет место можно говорить тогда, когда субъект деятельности различает мысль о предмете и предмет мысли. В этом случае появляется возможность принципиально нового типа взаимодействия с действительностью, данной уже не непосредственно, а в формах мышления” [3, с. 128].

Следует отметить, что рефлексия – это возможность актуализации сознания и мышления. “Рефлексивное мышление и его возможности, проявляемые в открытости человека к новому

и всеобщему, диалоге и сотрудничестве, позволяют выходить в позицию самоопределения и развития” [4, с. 41].

Как известно, после написания “Логико-философского трактата” Витгенштейн с 1920 по 1926 г. работал учителем начальных классов в селах Нижней Австрии. С большой долей вероятности можно предположить, что данное решение является следствием его жизненной философии. Благодаря смене вида деятельности с исследовательской на преподавательскую, Витгенштейн в процессе своей работы постоянно оказывался во внешней позиции по отношению к своим философским идеям, которые нашли отражение в его основной работе раннего периода. Представления, которые Витгенштейн считал неопровержимыми ежедневно проходили критическую проверку в процессе образовательного процесса. Таким образом, учебную работу можно отнести к объективным условиям, которые подготавливали пересмотр его идей в дальнейшем.

Важную роль в переосмыслении взглядов Витгенштейна и разработке им нового подхода играли острые дискуссии с друзьями – Рамсеем и особенно Пьерро Сраффой – итальянским экономистом, приехавшим в Кембридж. Американский философ Норман Малкольм, в 1940-е гг. обучавшийся у Витгенштейна, опубликовал свои впечатления о том времени. “Витгенштейн и преподаватель экономики в Кембридже П. Сраффа, – пишет он, – подолгу обсуждали между собой идеи Трактата. Однажды (кажется, они ехали на поезде), когда Витгенштейн настаивал, что пропозиция и то, что она описывает, должны иметь одинаковую логическую форму, характеризоваться одинаковой логической сложностью, Сраффа сделал жест, знакомый неаполитанцам и означающий что-то вроде отвращения или презрения: он прикоснулся к месту под подбородком наружной стороной кончиков пальцев и спросил: А какая логическая форма у этого? Вопрос Сраффы породил у Витгенштейна чувство, что абсурдно настаивать на том, будто бы пропозиция и то, что она описывает, должны иметь ту же самую форму. Это разрушило власть над его же собственной теорией о том, что пропозиция на самом деле должна быть картиной реальности, которую она описывает” [5, с. 71].

О внутренних состояниях и переживаниях Витгенштейна после дискуссий со Сраффой также написал в своих воспоминаниях финский философ и логик Георг Хенрик фон Вригт, в 1948 г. приглашенный в Кембридж. “Витгенштейн говорил, – отмечает Георг Хенрик фон Вригт, – что после этих дискуссий со Сраффой он чувствовал себя как дерево, у которого отрубили ветви. Зазеленеет ли

дерево вновь, зависело только от его собственных жизненных сил” [6, с. 22].

Если ранние исследования Витгенштейна лежали в сфере проблем, над обозначением и решением которых работали Г. Фреге и Б. Рассел, то в процессе эволюции своих взглядов он становится первооткрывателем, оказав непосредственное воздействие на становление лингвистической философии. В этой связи следует отметить, что дважды вносил вклад в развитие философской мысли дано лишь неординарным мыслителям.

В своей поздней философии Витгенштейн принципиально переосмыслил образную теорию языка. Критикуя “традиционное” понимание значения, Витгенштейн определяет связь между языком и миром множеством различных способов. В ранний период своей деятельности австро-британский философ считал, что возможен только один подход к данной проблеме. Постепенно Витгенштейн приходит к убеждению, что существует множество самых разных вещей, которые творятся при помощи языка – различные языковые игры, как он это называл. Значение слова – это способ его употребления в различной языковой игре, контексте употребляемого предложения.

Но если язык – это не картина, тогда что это? Язык – это орудие, инструмент. Не существует какой-то одной картины мира: их – множество. Множество различных языковых игр, обозначающих целостные и законченные акты коммуникации.

Значение слова не может быть для каждого человека своим, а потому не может существовать отдельного индивида языка. По Витгенштейну, мы те, кто мы есть только потому, что принадлежим к определенной культуре, определенной форме жизни, определенному образу совершать конкретные действия. В итоге то, как мы думаем, чувствуем и говорим определяется тем, что мы делаем. И все это невозможно вне общества, вне коммуникативных процессов.

Следует отметить, что обозначившаяся проблема “приватного” языка оказалась тождественной проблеме субъективности сознания. Причиной типично философских заблуждений при попытке осмыслить этот вопрос, согласно Витгенштейну, является ошибочное понимание значения как чего-то субстанционального. В этой связи Витгенштейн в тексте “Философских исследований” на большом количестве примеров показывает, что значение слова в предложении обнаруживается лишь в контексте употребления.

Обосновывая свое утверждение, Витгенштейн изобретает, в частности, особую технику речевого анализа, помогающую преодолевать неявно присутствующие в рассуждении предрассудки,

догматизм, а также примитивное представление о том, как функционирует язык. “Термин языковая игра, призван подчеркнуть, – отмечает он, – что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни. Представь себе многообразие языковых игр на таких вот и других примерах:

Отдавать приказы или выполнять их –
Описывать внешний вид объекта или его размеры –
Изготавливать объект по его описанию (чертежу) –
Информировать о событии –
Размышлять о событии –
Выдвигать и проверять гипотезу –
Представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах –
Сочинять рассказ и читать его –
Играть в театре –
Распевать хороводные песни –
Разгадывать загадки –
Остричь; рассказывать забавные истории –
Решать арифметические задачи –
Переводить с одного языка на другой –
Просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить” [2, с. 90].

Языковые игры образуют стройную систему. Философские головоломки возникают в связи с тем, что люди склонны путать один способ разговора с другим.

Процедуры экспликации, выполняемые с целью адекватного понимания реальности посредством речевых средств ее выражения, не могут быть произвольными. Исходный смысл языковых выражений не должен быть искажен аналитической деятельностью. В этом заключается ее оправданность.

В дополнении к сказанному выше логически объяснимы: а) критика ментализма Витгенштейном; б) трактовка им понимания как правилосообразной лингвистической активности человека; в) признание лишь специфической

взаимосвязи языковых феноменов, называемой “семейным сходством”.

Витгенштейну по праву принадлежит важная заслуга в осмыслении того, что анализ языка является ключом к философскому исследованию мышления и знания. В процессе эволюции своих представлений Витгенштейн утвердился в понимании невозможности построения идеального языка и существовании отдельного индивида языка. Критико-рефлексивный подход к языку показал, что значение слова в предложении обнаруживается лишь в контексте употребления, а потому не может быть для каждого человека своим. В постоянно становящихся и меняющихся многообразных надиндивидуальных речевых коммуникативных актах, названных языковыми играми, задействован каждый из нас. Позиционирование же себя вне языковой игры есть иллюзия, осознается данная ситуация или нет. Вовсе не случайно, что идеи Витгенштейна оказали воздействие на современную философию.

Литература

1. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Философские работы. Ч. I / Л. Витгенштейн. М., 1994.
2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Философские работы. Ч. I / Л. Витгенштейн. М., 1994.
3. *Есенкулов Б.А.* Рефлексия и цивилизованное развитие / Б.А. Есенкулов // Вестник КPCУ. 2007. Т. 7. № 5.
4. *Есенкулов Б.А.* О становлении философской рефлексии / Б.А. Есенкулов // Вестник КPCУ. 2008. Т. 8. № 8.
5. *Малкольм Н.* Людвиг Витгенштейн: воспоминания / Н. Малькольм // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.
6. *Вригт Г.Х.* Людвиг Витгенштейн: биографический очерк / Г.Х. Вригт // Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель. М., 1993.